

Н. А. Туранина

ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗДУШНОЙ СТИХИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (В АСПЕКТЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ
В. И. ДАЛЯ)

На современном этапе лингвокультурология относится к наиболее активно развивающимся отраслям лингвистики и описание стихий актуально и важно: они отражают менталитет языковой личности, в них сконцентрирован многовековой опыт, культура и идеология народа. Стихии являются центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира, помогающей вскрыть механизмы преломления в сознании человека объективной реальности.

Окружающий мир природы концептуализируется в языке, определяя в значительной мере особенности семантического пространства языка. Специфика стихий, за которыми стоят разнообразные проявления природных явлений, привлекает внимание исследователей. Выбор стихии «воздух» объясняется тем, что предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты собственно человеческого сознания.

В последние годы возрос интерес к исследованию реализации стихий в рамках художественного текста. Целесообразность подобных исследований определяется не только самоценностью факторов, связанных с изучением закономерностей художественного мышления и мироощущения, но и тем, что индивидуальный когнитивный опыт художника как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. В результате личного когнитивного опыта в сознании поэта или прозаика формируются структуры – фрагменты индивидуально-авторского знания о мире, которые находят свое выражение в текстовом пространстве.

Обращение к творческому наследию русской литературы определялось мастерством писателей в выражении фундаментальных принципов ментальности, широким отражением, а также высокой частотностью употребления лексических единиц, репрезентирующих стихию «воздух».

Целью статьи является выявление специфики вербализации стихии «воздух» в художественном пространстве текста.

Стихии в сознании носителей русского языка имеют долгую фольклорную, мифологическую и историческую традиции. Воздух – одна из важных стихий, что подтверждается постоянным обращением поэтов и прозаиков к воздуху, ветру, выюге, метели, вихрю.

Воздух: Но скользишь ты, утопая, /В бездне воздуха и света (Бальмонт «Белый лебедь»); Крылья легкие раскину/ Стены воздуха раздвину, /Страны дальние покину (А. Блок «Крылья»); Воздух казался жидким минералом и вливался в легкие сам по себе (В. Токарева «Лиловый костюм»); Ему казалось, что воздух вокруг них насыщен предательством, как радиацией (В. Токарева «Паша и Павлуша»);

Мне казалось, что я пью жидкий воздух (В. Токарева «Ехал Грека»); Инфекция любви, как вирус, висела в воздухе (В. Токарева «Система собак»); Солнце – счастье, чистые воды и воздух – счастье, просторы нетронутых степей, гор, лесов – великое счастье (Н. Сладков); Таежный воздух насыщался смолистым, опьяняющим ароматом, долина реки благоухала

запахом ромашки, полыни, мяты и отцветающей черемухи (В. Шишков);

Ветер: Поднимайся, *ветер*, по равнинам,/ Торопись, *ветрило-вихрь-бродяга...* (М. Цветаева «Лжет летописец, что...»); Буйный *ветер* в пустыне второй властелин (Н. Гумилев «Сахара»); Только *ветер* резвый, *озорник* такой!/ Запоет разлуку вместо упокой (С. Есенин «Закружилась пряжа снежистого льна»); *Отрок-ветер* по самые плечи /Заголил на березке подол (С. Есенин «Закружилась листва золотая»); И *ветер, пес послушный*, лижет / Чуть пригнутые камыши (А. Блок «Тишина цветет»); Очередь на такси была небольшая, но *ветер* дул, как на вселенском *сквозняке* (В. Токарева «Ничего особенного»); Был такой *ветродуй*, как шторм в открытом море. (В. Токарева «Стечение обстоятельств»); *Ветер* как беркут падает на распахнутых крыльях (Н. Сладков);

Вихрь: И снежных *вихрей подъятый молот* / Бросил нас в бездну, где искры неслись./ Где снежинки пугливо вились (А. Блок «Настигнутый метелью»); Уж *демон вихрей* реет грозно, / Свинцовой тучей облачен (Ф. Сологуб «Ты слышишь гром...»); И вдруг в этой напряженной и испуганной тишине пронесся *вихрь*, как долгий вздох облегчения (Н. Сладков, т. 3, с. 33);

Вьюга: Заносит *вьюга* на порог / Пожар метели белокрылой... (А. Блок «Заклинание огнем и мраком», 11); Кто, под *вопли вьюги* снежной,/ Под упорный зов зыбей,/ Сохранил сурово-нежный /Говор древних дней? (В. Брюсов «К Швеции»); Там незримый, неизбежный / Мертвый *голос вьюги* снежной /Посетит меня (А. Блок «Я прокрадусь ночью сонной...»);

Метель: Рукавом моих *метелей*/ Задушу./ Серебром моих веселий / Оглушу. (А. Блок «Ее песни»); Я – звезда мечтаний нежных, /И в венце *метелей* снежных; Не забыл я полей *асфodelей* (В. Брюсов «Я вернулся на яркую землю...»); Вкруг колокольни свист *метели* (С. Городецкий «В снегах»); ...и мерцают в музыке / *Пурги* (Б. Пастернак «Все в крестиках двери...»); И метет, метет метлою / Богородица – *метель* (М. Цветаева «С. Э.»); В серебре *метелей* кроясь, / Ты горишь, мой узкий пояс (А. Блок «Я в дальний мир вошла...»); Свернуты декабрьские *метели* в серые перины облаков (Ю. Визбор);

Туман: Плыл *туман*, как фимиамы / Тысячи кадил (А. Ахматова «Черная вилаьс дорога...»); Раздвинув локтем *тумана* дрожжи, / цедил белила из черной фляжки (В. Маяковский «За женщиной»); Мы заморские тайны несем,/ Мы под игом ночного *тумана* (А. Блок «Корабли идут»); И весной непомерной взлелеяны / Поседельх *туманов* развилыны (А. Блок «Твари весенние»).

Высока частотность функционирования лексем, репрезентирующих стихию «воздух», в сильных позициях художественного текста – начале и конце. Использование названных языковых единиц в начале текста характерно для художников прозы Астафьева, Распутина, Соболева, Шишкова и других писателей. В начале текста В. Астафьева «Зрячий посох» находим лексемы *ветер*, *циклон*: «Но дует *ветер*, хлещет мокрый снег – пришел *циклон* откуда-то с востока. Вчера и позавчера он дул с севера – никакие *циклоны* не минуют Урал, они, как беды, все вокруг него кружат, все по нему дуют и шарят, и весна никак не может наступить, а уже начало апреля». У В. Распутина использованы лексемц *воздух*, *мороз* в начале повести «Живи и помни»: «Зима на 45-й, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские *морозы* свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле заскрип и покрошился, в жестком и ломком *воздухе* по утрам было трудно продохнуть». Л. С. Соболев использует лексемы *ветер*, *воздух*, *шторм* в начале рассказов: «Жорес возвращался из похода. *Шторм* утих, и к откосу от Шепелевского маяка открылась спокойная, удивительно ровная гладь, начинающая по-вечернему отблескивать сталью».

В конце текста лексические репрезентанты стихии «воздух» встречаем в произведениях

Иванова, Соболева, Шишкова и других авторов. Так, например, в прозе Л. С. Соболева: «Где-то в глубине материка переместился центр низкого давления, и холодные массы арктического воздуха, мчавшиеся над Балтикой, переменили направление, увлекая за собой волны. Теперь получалось так, что, если лодка повернет на север, они будут бить ей справа в корму, раскачивая самой спокойной и безопасной в шторм качкой, а ветер прибавит к ее ходу верных два-три узла» («Все нормально»).

Продолжает оставаться актуальным употребление наименований стихии «воздух» в названиях произведений русских писателей X – XXI вв., например: Н. А. Асанов «Ветер с моря», Д. М. Балашов «Ветер времени», А. Веселый «Гуляй Ветер», Н. Ф. Иванов «Операцию «Шторм» начать раньше...», А. Измайлов «В тумане спрятанного солнца», В. В. Карпенко «Тучи идут на ветер», М. В. Колесников, М. С. Колесников «Перстень вьюги», А. Ю. Костин «Предупрежден путешественником в тумане», Л. Паршикова «Ветер родины и судьбы», А. А. Первенцев «Черная буря», В. А. Пронин «Гайфун», Н. Сладков «Зеленый туман», «Дуб и Ветер», «Душистый ураган», Е. П. Федоровский «Свежий ветер с океана», М. М. Эгарт «Бухта туманов» и др.

Стихия «воздух» находит свое отражение во фразеологии паремиологии современного русского языка, например: *Ветер* деревья волнует, правда народ поднимает.

«Ветер в голове», «На ветер бросать слова», «Подбитый ветром», «Каким ветром занесло», «Ветер свистит в карманах», «Откуда ветер дует», «Ищи ветра в поле», «Как ветром сдуло», «Держать нос по ветру», «Повиснуть в воздухе», «Буря в стакане воды», «Напускать туману», «Буря прошла, гром унесла».

Широкое использование лексем, репрезентирующих стихию «воздух», отражается и в ономастике: Буран, Буранин, Буранов, Буранский, Ветренко, Ветров, Вихренко, Вихренное, Вихров, Вихровский, Вихрь, Вихряков, Метелев, Мегельков, Мороз, Морозкин, Морозов, Сухойей, Сухоеев, Туманенко, Туманец, Туманов, Туманский, Холод, Холоденко, Холодецкий, Холодкин, Холодков, Холодный, Холоде Холодович, Холодкевич, Холодянский, Шторм, Штормов.

Характерно использование лексем, репрезентирующих стихию «воздух», для называния артефактов, например: кафе «Ветерок», «Морозко», «Холодок», сеть магазинов «Метелица», снегоход «Буран».

Все, что представляется важным и ценным для человека, можно найти в народных приметах, поверьях: На Рождество *метель* – пчелы хорошо роиться будут; *Ветер* – буйный молодец, безрукий хватало (в Орловской губернии); поляки называют *ветер* – отцом; в Испании считается что «*ветер*, женщины и счастье переменчивы»; «*Ветер* – Божье дыхание», – говорят крестьяне в Галиции.

Частью культурной памяти народа являются загадки, среди которых немало и о явлениях воздушной стихии: «Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, к земле траву приклоняет». «Расходится детина – удержу нет, уляжется – не видать, не слышать». «Никто меня не видит, а всякий слышит». «Свищет, гонит, в след ему кланяются». (*Ветер*) «Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица». (*Метель, вьюга*).

Значительным фактом, подтверждающим интерес и внимание к воздушной стихии, явилось издание в 1983 году книги ученого-ветролога Леонида Зусевича Проха «Словарь ветров». Автор считал своей задачей «объяснить происхождение некоторых названий ветров». Словарь насчитывает около 2000 терминов. Ученый называет ветры, указывает их географический признак (волжский ХИЛЮК, забайкальский ХВИУС, украинский БУРЕВИЙ, карпатский Г ОРЫШНЯЧОК, испанский АБРЕГО, португальский НОРДЕР и т. д.), приводит факты их проявления. Например: «БАХРЕЙНСКИЙ ШТОРМ в Персидском заливе в ночь на 1

октября 1925 года за 10 часов охватил весь залив и погубил много кораблей». В «Словаре ветров» нашлось место и древнеримским божествам АКВИЛОНУ, ВОЛЬТУРНУ, древнегреческим БОРЕЮ, ЗЕФИРУ и богам других народов мира.

Анализ художественных текстов К. Паустовского и М. Шолохова показал, что писатели активно использовали лексемы, репрезентирующие стихию «воздух», в сильных позициях текста.

Перечисленные факты свидетельствует о том, что стихия «воздух» занимает важное место в языковом сознании русских и, следовательно, является важным концептом русской культуры.

Стихия «воздух» в современном русском языке представлена множеством лексических единиц, которые можно объединить в концептуальное поле.

Стихия «воздух» в художественной прозе К. Паустовского и М. Шолохова представляет ряд элементов, объединенных в три группы.

«Наименования воздушной стихии»: ветер, ветр, ветерок, ветрище, ураган, вихрь, норд-ост, бора, смерч, норд, суховей, роза ветров, фён, сквозняк, шквал, трамонтана, бриз, тайфун, соранг, греус, зефир, муссон, низовка, сирокко, циклоны, вест, леванти, мистраль, моряна, самум, сиверко, боненти, верховка, гирловой, горишняк, караэл, кенхрон, лодос, манструс, мельтемия, норд-вест, серекос, тифоны, цунами. Итак, анализируемая группа в произведениях К. Паустовского и М. Шолохова представлена 44 лексическими единицами. Каждая из лексем, использованная авторами в художественном тексте, привносит различные смысловые оттенки в стихию «воздух». Анализ состава ядерной группы стихии «воздух» показал, что все единицы данного ряда называют воздух как явление, внося при этом в обозначение различные оттенки смысла. Среди описанных лексем выделяются слова, обладающие значениями с пометами *устар.*, *разг.*, *нар.-поэт.*, *уменьш.*, *ласк.*, а также *местн.* Несомненно, что такое значительное количество единиц можно считать одной из особенностей стихии «воздух», а также количественный состав данной группы указывает на то, что современный человек, как и человек прошлого, постоянно соприкасается напрямую со стихией воздуха, жизнь на Земле не мыслилась и не мыслится без воздуха.

В непосредственной близости от описанной выше ядерной группы стихии «воздух» располагается группа (малочисленная), которую можно обозначить как «*комплексные воздушные явления*».

Отличительной особенностью этих лексем является то, что все они содержат сему «*сильный ветер, имеющий разрушительный характер*», часто сопровождаются различными осадками в виде дождя, града, снега. В состав данной группы входят следующие слова, активно функционирующие в художественной речи К. Паустовского и М. Шолохова: шторм, буря, метель, вьюга, поземка, буран, пурга.

Комплексные явления являются зависимыми от ветра в том плане, что именно ветер определенной силы может вызвать бурю, метель и т. д. Нетрудно заметить, что лексические единицы, составляющие данную группу, толкуются через единицы, входящие в эту же группу, и относятся к активному словарному запасу.

Таким образом, К. Паустовский и М. Шолохов использовали широкий арсенал лексических средств русского языка, создающих образ воздушной стихии в рамках художественного дискурса. К. Паустовский дает развернутый художественный образ стихии четко, лаконично, энергично. В текстах М. Шолохова обнаруживается глубоко национальное народное мироощущение и восприятие воздуха; этноспецифическое значение стихии «воздух» проявилось и в количественной лексической презентации, и в частотности употребления, что является важным отличительным лингвокультурным признаком данного феномена.

Исследование стихии «воздух» в художественных текстах открывает возможность сопоставления материала с предшественниками и современниками с тем, чтобы выявить общее и индивидуальное осмысление данного феномена. Небезынтересным может быть сравнительный анализ особенностей репрезентации стихии «воздух» с другими, не менее важными стихиями: огонь, свет, жизнь, космос – в рамках художественного дискурса.

Литература

1. **Туралина Н. А.** Концепт «Воздух» в лингвокультурологическом аспекте : монография / Н. А. Туралина, И. С. Ливенец. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 172 с.

У статті розглядається специфіка репрезентації стихії «повітря» в художніх творах російських авторів. У роботі надано опис основних лексем, що номінують повітряну стихію у творі. Активне використання репрезентантів стихії «повітря» в художньому дискурсі підкреслює особливу роль цього фрагмента мовної картини світу у свідомості носіїв мови.

Ключові слова: стихія, повітря тематична група, ядерна група, лексична одиниця.

В статье рассматривается специфика репрезентации стихии «воздух» в художественных произведениях русских авторов. В работе описаны основные лексемы, номинирующие воздушную стихию в тексте. Активное использование репрезентантов стихии «воздух» в художественном дискурсе подчеркивает особую роль этого фрагмента языковой картины мира в сознании носителей языка.

Ключевые слова: стихия, воздух тематическая группа, ядерная группа, лексическая единица.

The article deals with specific elements of representation "air" in the literary works of Russian authors. In the main token, nominating the air element is the product. Active use representation element "air" in the artistic discourse emphasizes the special role of this fragment linguistic world in the minds of native speakers.

Keywords: poems, air thematic groups, the nuclear group, lexical unit.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

УДК 81.373.7;811.133.1

И. В. Фирсова

ТЕРМИНОСИСТЕМА ФРАЗЕОЛОГИИ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В последние годы становится все более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Культурное многообразие современного мира увеличивается, и входящие в него народы находят все больше способов, чтобы сохранять и развивать свою культурную самобытность.